

БОРЬБА ЗА БУРГУНДСКОЕ НАСЛЕДСТВО И СТАНОВЛЕНИЕ ОСОБОГО СТАТУСА АПАНАЖА ФИЛИППА СМЕЛОГО В 30-Е ГГ. XIV В.

С.А. ПОЛЬСКАЯ

Ставропольский
государственный
университет

e-mail: polskaya-sa@yandex.ru

Статья раскрывает обстоятельства формирования герцогства Бургундского как апанажа династии Валуа на начальном этапе Столетней войны и анализирует особенности правового и политического позиционирования монархии и бургундских сословий в решении проблемы статуса герцогства в составе Французского королевства.

Ключевые слова: Французское королевство, герцогство Бургундия, королевская власть, апанаж, алиенация, Иоанн II Добрый, Филипп Смелый.

Французский апанаж (фр. *apanage*, новолат. – *apanagium*, *apano* – букв. «снабжаю хлебом») являлся отчислением в форме обратимого фьефа из королевского домена, следовательно, предназначенным обеспечивать материальные нужды сыновей и братьев монарха. Поскольку все они могли претендовать на трон, составив разряд принцев крови (*les princes de sang*), это стало основой сложившегося мнения об апанажах как не о государственном, а семейном институте¹. Однако главой королевского рода выступал монарх, власть которого во Французском королевстве с эпохи Людовика IX Святого становится все более суверенной. В итоге сложившихся правовых обязательств между главой государства и членами его рода предполагалось, что в случае отсутствия у последних наследников мужского пола, апанаж подлежит реституции в королевский домен – т.н. алиенации (от лат. *alienatio* – отчуждение). И если домен по-прежнему оценивался как семейная собственность, то принцы легитимно наследовали от нее свою часть. Однако определение ее масштабов стало проблемой для короля, как главы династии, с одной стороны, но главы государства и монарха, с другой.

Осуществляемый слишком широко метод раздачи апанажей органично создавал риск образования сепаратистски настроенных сеньориальных родов. Требовалась взвешенная система ограничений, которая оказалась бы способной препятствовать распаду государства и сохранять королевскую власть. По сути, она и была создана Людовиком IX, и последующие Капетинги и Валуа в той или иной степени смогли ее сохранить. Так, апанажи носили дискретный характер, система их управления нередко имитировала королевскую, что приводило к унификации структур власти и администрации, способствуя единству страны. Наконец, в случае отсутствия наследников мужского пола, земли принцев крови возвращались в состав королевского домена, поскольку опять-таки Людовик Святой положил начало практике назначения апанажей и королевским дочерям и сестрам, но в виде не земель, а денег².

Отчасти количество и размеры апанажей зависели от воли случая: количества сыновей, продолжительности их жизни и т.д. Свою роль играли и брачные стратегии, когда принцы нередко становились владельцами значительных по размерам земель, также вошедших в состав домена. Разразившаяся Столетняя война до крайности обострила сложную, основанную на принципах родства, династических привилегиях и амбициях систему земельных владений принцев крови. Имея четырех сыновей, Иоанн II Добрый полностью недооценил эту угрозу, не поспуившись в раздаче апана-

¹ Lewis A.W. *Le Sang Royal. Le Famille capetienne et l'État: France X^e-XIVe siècles.* Paris, 1986. P. 222.

² Giesey R. *The Juristic Basis of the Dynastic Right to the French Throne // Transaction of the American Philosophical Society.* Vol.51. Part 5. Philadelphia, 1961. P. 3–44.

жей. Его старший сын, дофин Карл, получил Нормандию и графство Дофинэ, а также расписку в получении за них денежной суммы. Второму сыну, Людовику, в 1356 г. были выделены Анжу и Мэн³, а Берри и часть Оверни в 1360 г. оказались в руках третьего, Иоанна⁴.

Наконец, еще одним претендентом выступал младший принц, разделивший с отцом и поражение при Пуатье, и все дни плена – Филипп Смелый, который в качестве апанажа получил Бургундию. Геополитическая важность Бургундии для монархии определялась тем, что уже в 1032 г. это герцогство управлялось младшей ветвью капетингского дома и формально являлось собственностью короны. Начиная от Робера I Безземельного, сына Робера Благочестивого⁵, этот герцогский дом непрерывно и регулярно продолжался вплоть до 21 ноября 1361 г. – дня смерти последнего представителя линии, герцога Филиппа де Рувра (Твердого). Он скончался неожиданно, в возрасте 17 лет⁶, от чумы, будучи единственным и к тому же неженатым правителем (только женихом дочери графа Фландрии Людовика Мальского Маргариты)⁷.

Смерть юного герцога пресекла бургундско-капетингскую ветвь династии, что было неожиданно и трагично, но преодолимо с точки зрения политических комбинаций наследования. Тем более что между завещанием Филиппа I, датированным 11 ноября⁸ и его смертью прошло 10 дней, а это означало, что у политической элиты Бургундии и короля Франции имелось достаточное время определить дальнейшее будущее герцогства и выдвинуть наиболее вероятные кандидатуры на место Филиппа де Рувра. Что касается бургундской знати, то ей не удалось выработать единого мнения. Идея же Иоанна II придать бургундскому наследству размах большого политического дела была стратегически неверной. Политика короля, едва утвердившегося во власти по возвращении из своего плена, не включала решительных действий. В конечном счете, наследство Филиппа I рассматривалось как сугубо семейное дело монархии, поскольку речь шла о землях династии⁹.

Основой выступило завещание Филиппа I, вернее, одно из существенных, с точки зрения его автора, условий: «Итак, приказываем и утверждаем прямыми наследниками наших земель, как имеющихся сейчас, так и будущих, какими бы они ни были, тех, кто по праву или установленному обычаю является таковыми сейчас и тех, кто может стать таковыми впоследствии»¹⁰. Следовательно, изъявление последнего желания не чинило препятствий для передачи имущества законным наследникам. Но определенная сложность состояла еще и в том, что даже при успешном применении завещания, дело могло оказаться в ситуации *ab intestat*. Наличие духовной Филиппа I не выступало безоговорочным доказательством победы последней воли покойного, поскольку в результате делало обязательной передачу имущества согласно феодальным принципам, в корне пресекая любую интерпретацию претендентов. Завещание мешало оспорить те земли, которые оно же и перечисляло, в то время как за каждой частью герцогства стоял свой опыт инкорпорации¹¹. Другими словами, никто не мог считать себя имеющим исключительное право унаследовать все владения герцога Филиппа.

Наконец, из предписаний завещания вытекала сложная правовая процедура, которой, тем не менее, необходимо было следовать. Согласно ей, каждый фьеф, оставленный покойным (а только изначальных бальяжей было пять: Отен, Монсени, Дижон, Шатийон-на-Сене, Оксуа и Шалон-на-Соне), должен был рассматриваться и

³ Wood Ch.T. The French Apanages and the Capetian Monarchy, 1124-1328. Cambridge, 1966. P. 114.

⁴ Lacour R. Le Gouvernement de l'apanage de Jean, duc de Berry. Paris, 1934. P. 32.

⁵ Richard J. Les Ducs de Bourgogne et la formation du duche, du XI au XIV siecle. Paris, 1954. P. 215.

⁶ Geste des ducs Philippe et Jean de Bourgogne / Éd. K. de Lettenhove. Bruxelles, 1873. P. 233.

⁷ Annales de Bourgogne / Éd. P. du Haut-Jusse. Paris, 1938. P. 110.

⁸ Geste des ducs Philippe et Jean de Bourgogne... P. 233.

⁹ Livres des trahisons de France envers la Bourgogne / Éd. K. de Lettenhove. Bruxelles, 1873. P. 21.

¹⁰ Geste des ducs Philippe et Jean de Bourgogne... P. 233–234.

¹¹ Ibid.

обсуждаться отдельно, учитывая источник его происхождения и условия вхождения в состав герцогства¹². Для этого следовало обращаться к последнему владельцу, имеющему законного наследника. По каждому случаю надо было разрабатывать правила, которые могли бы быть применимы либо в силу установленного права, либо по причине наличия прямого наследника. Традиционная же формула «Правом или обычаем предписано» окончательно делала завещание формальностью.

Королевская власть, возможно, сумела бы найти в арсенале своих прерогатив достаточно убедительные аргументы, чтобы извлечь пользу из столь благоприятного случая и перевести дело в разряд норм частного права¹³. Иоанн Добрый не воспользовался этой перспективой – для завладения герцогством он предпринял попытку его соразделения на отдельные части.

Для этого имелись свои аргументы: наследство действительно было очень большим. Оно состояло из конгломерата территорий, каждая из которых имела свои особенности. Главным компонентом совокупности бургундских земель изначально выступало собственно герцогство. Упомянутая выше пентархия его бальяжей располагала значительными экономическими и геополитическими ресурсами, делая Бургундию экономически исключительно важной для Франции. Кроме того, корону герцогства составляли Франш-Конте, Булонь, Овернь, Артуа и земли в Шампани. Но разросшаяся династия Капетингов, с воцарением Валуа все глубже рассредоточивающаяся на отдельные кланы, крайне усложняла переход Бургундии в руки короля без каких-либо редуций. Тем более, что часть из них имела совершенно легитимные основания.

Графства Булонь и Овернь достались Филиппу Твердому от его матери, Жанны Булонской. Поэтому как потомок булонского дома, на эти два фьефа он имел наследника, который приходился ему старшим дядей, – Иоанна Булонского. Графство Бургундское и Франш-Конте, Артуа и земли в Шампани должны были вернуться к Маргарите Французской, вдове Людовика Фландрского и Неверского, матери графа Фландрского, Людовика Маля (несостоявшегося тестя Филиппа де Рувра)¹⁴. В герцогстве же Иоанн Добрый, как полноценный наследник династии Капетингов по мужской линии, рассчитывал иметь те же права, что и в своем королевстве.

Но он имел еще одного конкурента – Карла Злого, короля Наваррского, чьи претензии на корону бургундских герцогов были столь убедительны, что не могли встретить веских возражений. Иоанн II и Карл Злой, как один, так и другой, имели права по женской линии, поскольку Иоанн являлся сыном Жанны, Карл – внуком Маргариты, а обе они были дочерьми Робера II Бургундского. Чуть большими, всего на одну долю, являлись права Иоанна II. Но Маргарита была старше Жанны, и обычай Бургундии оказывался на стороне короля Наварры. Завещание Филиппа I стало для обеих королев основой их спора (более того, Карл Злой не довольствовался спором только за герцогство: как зять герцога Бургундии, он оспаривал еще и предназначенные Маргарите Бургундской земли Шампани¹⁵), поскольку в данном случае действовало правило передачи имущества по мужской линии, единственно возможное как для герцогства, так и для королевства. В итоге и Карл Злой, и Иоанн Добрый выставили свои кандидатуры в качестве законных наследников.

Спор оказался бесплодным для Карла. К его досаде, непосредственные интересы его дома не были прямо приняты во внимание в завещании. Тогда в 1362 г. Карл Злой решил овладеть бургундским наследством с помощью оружия, однако получил

¹² Blanchard F.F. *Les Genealogies des maistres des requestes ordinaires de l'hostel du roi*. Paris, 1970. P. 244–245.

¹³ Beaune C. *Coutume et pouvoir en France a la fin du Moyen Age: les devises royals, vers 1400* // *Revue des Sciences*. LV. 1981. P. 140–141.

¹⁴ Dupont-Ferrier G. *Le Personnel de la cour ou chambre des aides de Paris des origines a 1483* // *Annuaire-Bulletin de la Societe de l'Histoire de France*. 1931. P. 219–256. *Idem*. *Le Personnel de la cour du tresor* // *Annuaire-Bulletin de la Societe de l'Histoire de France*. 1935. P. 185–298.

¹⁵ *Annales de Bourgogne...* P. 115–116

твердый отпор: весной 1364 г. будущий коннетабль Франции Бертран Дю Геклен разбил наваррцев в битве при Кошерели и принудил их короля заключить мир¹⁶.

Фактически все противники Карла Злого – Иоанн Добрый, Иоанн Булонский и Маргарита Французская – объединились против него, и этот союз не в последнюю очередь касался раздела Бургундии. Дело в том, что личные права Карла, на которые автоматически ссылалось частное право, стали противоречить другим личным прерогативам – короля. Единственное, что можно было противопоставить хозяину Наварры, – это права монарха и наследника, которые он никак не мог оспорить. Таковые имелись в силу того обстоятельства, что дочь графа Оверни Гийома XII Жанна Булонская, мать Филиппа Твердого, во втором браке была замужем за королем Иоанном. Следовательно, раздел Бургундии предполагалось осуществить безболезненно и беспрепятственно.

Наиболее важную роль в реализации этого плана сыграл уже упоминавшийся старший дядя покойного герцога, одновременно еще и дядя короля Франции, Иоанн Булонский. Его обязанности представляли собой влиятельный симбиоз из должностей коннетабля, главы королевского совета и личного советника короля. Именно он женил короля-вдовца на своей родной племяннице, тоже вдове, Жанне Булонской. Его хлопоты не были бескорыстными, поскольку Иоанн Булонский, как брат Гийома XII Овернского, являлся сонаследником собственности своего младшего племянника¹⁷.

В ситуации, когда король Франции все еще находился в английском плену, с получением известий о болезни Филиппа Твердого, Иоанн Булонский отправился в Бургундию. Он держал монаха в курсе ситуации, чтобы в случае наступления смерти сразу же сообщить об этом, и в то же время непосредственно на месте принять меры по урегулированию наследования в пользу Валуа. Именно по этой причине глава королевского совета сознательно отсрочил оповещение широкого круга знати о смерти Филиппа I. Официальным же отчетом об этом событии он свел счеты с Карлом Злым, поскольку указал на наличие якобы последнего прямого волеизъявления умирающего: «Наши сеньоры совета указали на герцога, прозванного Твердым, что когда его попросили назвать заместителя, дабы тот охранял названное (имущество – *С.П.*), которое останется от герцога, он назвал короля Иоанна»¹⁸.

Обратное доказательство, о котором незамедлительно был предупрежден Иоанн Добрый, следует из даты королевского указа, оглашенного на королевском же совете. Согласно правилам делопроизводства эпохи, эти письма датировались только месяцем, без числа. В данном случае это был ноябрь. Филипп Твердый умер 21-го числа, что убедительно объясняет ту торопливость, с которой следовало отослать, составить и опубликовать указы, чтобы уложиться в оставшиеся девять дней ноября.

Отправляя королю курьера за курьером, Иоанн Булонский продемонстрировал в этих событиях необыкновенную скорость действий. Его план заключался в том, чтобы одновременно поставить и население Бургундии, и Карла Злого перед свершившимся фактом, дабы успокоить первых и нейтрализовать последнего. Эта озабоченность, заставлявшая торопиться с решительными действиями, выдала себя, в частности, во время созыва оставшихся вассалов покойного герцога, по традиции назначенного после Рождества.

Созыв смог состояться только 28 декабря, и в этот же день Иоанн Добрый явился в Дижон, почтив своим присутствием провинциальную ассамблею сословий. Затем он отправился в расположенное к югу от города цистерцианское аббатство Сито, где 16 января в присутствии сонаследников им был подписан акт, касающийся долгов Филиппа Твердого и его движимого имущества. Наконец, посетив Бон, по возвращении король поручил одному из своих приверженцев, графу Танкарвиллю,

¹⁶ Luce S. Histoire de Bertrand du Guesclin et de son époque. Paris, 1876. P. 130–131.

¹⁷ Marshal-Verdoodt M. Nable des noms de personnes et de lieux mentionnes dans les plus anciens comptes de la recette generale de Philippe le Hardi, duc de Bourgogne (1383-1389). Madison, 1960. P. 92–93.

¹⁸ Annales de Bourgogne... P. 119–120.

заниматься делами герцогства, сделав его, таким образом, наместником Бургундии в свое отсутствие¹⁹. В итоге даже со ссылкой на завещание Филиппа I кутюмы Бургундии и права, которые могли из них следовать, не были нарушены. Никто или почти никто не выступил поборником прав Карла Злого.

Однако вскоре по прибытии в Бургундию в качестве законного наследника король Иоанн получил отпор. Очень почтительные, но от этого не менее твердые слова были произнесены тогда же, в декабре 1361 г. на ассамблее сословий Бургундии. Их можно свести к следующей формуле: герцогство намеревается оставаться герцогством; оно не желает быть королевской провинцией; оно не будет входить в домен; на основании частного права Бургундия не должна быть инкорпорирована в королевство; аннексия невозможна, равно как и общие внешние границы. Успех короля, следовательно, не был полным, и заключался только в личной унии.

Сложившаяся ситуация являлась типичной и особенной одновременно. Бургундия формировалась герцогами – Капетингами. Это объясняет выбор бургундцев: в то время как прочие фьефы связали свою судьбу с центром страны, став частью объединенного домена, Бургундия отказалась от инкорпорации.

Чтобы понять всю демонстративность этих заявлений, надо обратиться к ноябрьским королевским указам, в которых Иоанн II заявлял о своем наследовании Бургундии на основании права родства, но с той поправкой, что названное герцогство должно полностью объединиться с Францией. Вопреки королевским претензиям, бургундская ассамблея, таким образом, допустила Валуа к наследованию, но открыто выступила против аннексии в королевский домен.

В итоге, несмотря на все усилия, Иоанн Добрый слишком поздно конвертировал герцогство Бургундское в апанаж для Филиппа Смелого: лишь для того, чтобы сохранить его на типичных условиях, характерных для прежних дарений. Между королевскими указами за ноябрь 1361 г. и временем учреждения бургундского апанажа в январе 1363 г. пролегла пропасть. Почему и каким образом совершился этот поворот, и как он изменил позицию королевской власти по вопросу о неотчуждаемых территориях? Конечно, причина кроется, главным образом, в позиции бургундцев. На идею аннексии, объявленную королем в его указах, они ответили возражением об отдельном статусе герцогства, потребовав соблюдения последнего. Это возражение, более или менее юридически четкое, но политически живое, выступило свидетельством единства Бургундии и ее автономии. Такова же и суть подписанного 15 января 1363 г., но не обнародованного Иоанном II ордонанса об учреждении в Бургундии апанажа на особых для короны условиях: «Иоанн, милостью Божьей король Франции. Нашей подписью в настоящем, а также на будущее заверяем, что после смерти светлейшего сына нашего Филиппа, герцога Бургундского, герцогство Бургундское, согласно нашим правам и общим достоинствам на основе родственного права, без учета первенства нашей короны, будет успешно принято его наследником, герцогом Бургундским... таковы наша благоденственная французская корона, наша мудрость и управление нашим домом, единое, согласное и нераздельное»²⁰.

В данном случае бургундскому сословному союзу способствовали два немаловажных фактора: во-первых, самонадеянность короля Иоанна; во-вторых, политический талант его младшего сына.

Легкомыслие и самонадеянность короля не являлись чем-то неожиданным после допущенных им военных и дипломатических поражений в Столетней войне. Ликвидация одним росчерком пера иммунитета Бургундского герцогства вела к полному провалу его полноценного объединения с Францией. Непоследовательный и резкий, в своих декабрьских ордонансах Иоанн допустил один, но решающий промах – им было упущено время. То, что могло стать возможным при условии применения твердых, но

¹⁹ Ibid.

²⁰ *Lettres Patentes. 1361 // Memoires de. Societe pour l'histoire du droit et des institutions des anciens pays bourguignons: 2 vol. / Ed. Pocquet du Haut-Jusse. Vol.1. Dijon, 1936. P. 192.*

допускающих компромисс мер, теперь было невыполнимым. Желая форсировать ход событий, монарх допустил промах и был вынужден подчиниться требованиям бургундской ассамблеи.

Поскольку герцогство надо было возвращать заново, Филипп Смелый обрел всю полноту властных полномочий, что сулило ему некие выгоды. Кроме заслуженной, благодаря сыновней преданности, популярности, теперь он получил возможность проявить себя в новом качестве политика. Из тени, в которой он неизбежно находился, как младший сын короля, Филипп вынес умение сознательно руководить реализацией своих амбиций. Уже назавтра после подписания ордонанса новоявленный герцог получил возможность применить свой талант к подготовке приращения Бургундии к короне.

Дело в том, что бургундский апанаж не был типичным, не обремененным условиями дарением, которое преподносила королевская власть. В данном случае положение представлялось иным, более многоэтапным и оттого более трудным. Все должно было произойти постепенно и тайно: по образному выражению Ж. Кальметта, «Филипп Смелый не хотел хватать Бургундию, но желал бы, чтобы она сама незаметно соскользнула в его руку»²¹. Храбрый на поле сражения, но осторожный в мирной жизни, Филипп Смелый собирался действовать с максимальной осмотрительностью. Возможно, он опасался, что его рвение будет замечено, а ситуация, которая вырисовывалась перед ним, являлась достаточно сложной и запутанной и заключалась в том, что Филипп не мог механически наследовать герцогство из рук отца. Косвенным доказательством этого служит тот факт, что после ордонанса от 15 января 1363 г. герцог шесть месяцев (!) не предпринимал попыток вступить в свои права. Только 27 июня 1363 г. он заменяет графа Танкарвилля, но становится, со званием «*lieutenant general*», только уполномоченным от имени короля. Несколько дней спустя, 3 июля, провинциальная ассамблея Бургундии собирается в Дижоне. На этот раз состоялся достаточно успешный диалог между грядущим герцогом и его будущими подданными, залогом чего стали полученные им от сословий субсидии, в которых было отказано Танкарвиллю²². Тайна данного промедления оставалась таковой до самой смерти Иоанна Доброго, последовавшей 6 сентября 1364 г., хотя уже ордонансом от 2 июня того же года Филипп официально назначался владельцем бургундского апанажа, что юридически подчиняло герцогство королевской династии.

С чем было связано такое количество предосторожностей? Ко вполне понятным опасениям осложнений контакта Филиппа с бургундцами следует добавить и желание короля облегчить отношения дофина Карла с младшим братом. В любом случае, окончательный акт от 2 июня 1364 г. продемонстрировал распоряжение бургундским наследством одновременно как свидетельство уважения к требованиям сословий и как справедливое великодушие монарха по отношению к младшему сыну, перенесшему с ним все тяготы плена. Благодаря стараниям Иоанна Доброго Филипп получил герцогство прежде, чем формально стал его сеньором. Поэтому Иоанн II намеренно обосновывает смену своей политики 1361 г. и тайного акта 1363 г., успешно оперируя в постановлениях июня 1364 г. латинской формулировкой свидетельства подлинности – «*vidimus*»²³ (термин восходит к формуле «*Quod vidimus testatur*» – «Свидетествуем о том, что видели»).

В итоге к апанажам Людовика Анжуйского и Иоанна Беррийского, наконец, добавится бургундский, владельцами которого станут потомки Филиппа Смелого вплоть до гибели последнего из них, Карла Смелого, в 1477 г. Безусловно, в условиях дальнейших событий Столетней войны Бургундия спровоцирует для короны значительную опасность, которую в полной мере испытают на себе старший сын и внуки Иоанна II. Но решающим фактором окажется ее принадлежность французской короне.

²¹ Calmette J. Charles V. Paris, 1979. P. 174.

²² Calmette J. Les Grandes Ducs de Bourgogne. Paris, 1979. P. 117.

²³ Lettres Patentes. 1364 // Memoires de Societe ... Vol.1. P. 211–214.

STRUGGLE FOR THE BURGUNDY INHERITANCE AND RISE OF THE SPECIAL STATUS OF PHILIPPE THE BOLD`S APANAGE IN THE 30S OF XIV CENTURY

S.A. POLSKAYA

Stavropol State University

e-mail: polskaya-sa@yandex.ru

The article reveals the circumstances of the formation of the duchy of Burgundy as apanage of Valois dynasty in the initial phase of the Hundred Years War, and analyzes the features of the legal and political position of the monarchy and the estates of Burgundy in addressing the status of the duchy in the kingdom of France.

Key words: French kingdom, duchy of Burgundy, royal power, apanage, alienation, John II the Good, Philip the Bold.